Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия[1]

Б.З. Докторов, А.М. Никулин

Борис Зусманович Докторов, доктор философских наук, профессор, независимый аналитик. Виллидж Лейн, 100, Фостер-сити, Калифорния, 94404, США. E-mail: bdoktorov@inbox.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В данном интервью живущий в Америке российский социолог, исследователь интеллектуальных биографий и методов познания обществоведов XX–XXI веков Борис Докторов вместе с главным редактором журнала «Крестьяноведение» и директором Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН Александром Никулиным беседует о выдающемся британском социологе Теодоре Шанине, чье научное наследие тесно связано со становлением и развитием особого обществоведческого междисциплинарного направления — крестьяноведения и который осуществил целый ряд фундаментальных историко-социологически экономико-социологических исследований сельской России. В интервью обсуждаются основные понятия и вехи развития крестьяноведения как одной из отраслей историко-социологического знания в России, анализируется оценка Теодором Шаниным различных направлений российской обществоведческой и гуманитарной мысли, связанных с исследованием крестьянства, а также выработкой рекомендаций по альтернативам развития и преобразования крестьянских миров, нашедших свое воплощение в замыслах и идеях аграрников народников и марксистов, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, А.В. Чаянова, И.С. Сталина. Поднимается вопрос о значении литературы и живописи, связанных с изображением и постижением роли крестьянства, с точки зрения интеллектуальных интересов Теодора Шанина. Также особое внимание уделяется обсуждению совместной деятельности Шанина с его ближайшими коллегами в изучении сельской России — крупнейшими российскими аграрниками В.П. Даниловым и Т.И. Заславской. На протяжении всего интервью обсуждаются особенности мировоззренческих и морально-этических принципов Теодора Шанина, связанных с поисками гуманистических альтернатив сельского развития России и мира.

Ключевые слова: крестьянство, крестьяноведение, аграрная политика, Теодор Шанин, В.П. Данилов, Т.И. Заславская, писатели-деревенщики, сельская Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-146-172

1. Публикация подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

А.М. НИКУЛИН: Борис, я очень рад, что в жанре твоих социологических интервью-бесед нам предстоит на страницах «Крестьяноведения» поговорить о Теодоре Шанине, обсудить его вклад в развитие социологических аграрных исследований России и мира, а также личностные особенности Теодора как ученого и человека.

Б.З. ДОКТОРОВ: Саша, не мог бы ты для начала очертить ту область науки, которая обозначается словом «крестьяноведение». Мне представляется, что для России это весьма широкая, межпредметная сфера исследований, где встречаются социология, история, этнография, экономика, политика и т. д. Все же в течение веков Россия была крестьянской страной, а что теперь? Наверное, и сейчас в стране есть крестьянство, но оно какое-то совсем другое?..

А.М. НИКУЛИН: Крестьяноведение (*англ.* Peasant Studies) — это отрасль сельской социологии, выделившаяся на Западе в отдельное научное направление примерно к середине 1960-х годов. К тому времени были проведены исследования и написаны монографии о крестьянах такими замечательными учеными, как Р. Редфилд и Э. Вольф, тогда же, с 1966 по 1968 год, на Западе были заново открыты и переведены работы А.В. Чаянова. В 1970-е годы возник специальный журнал Peasant Studies, опубликованы новые оригинальные крестьяноведческие исследования Т. Шанина, Дж. Скотта и многих других ученых. Пожалуй, 1970-е годы это была «золотой век» крестьяноведения, по крайней мере на Западе. Возросшей популярности крестьяноведения, безусловно, способствовали впечатляющие политические достижения многих стран третьего мира в борьбе против колониализма. Фактически полностью крестьянские страны восставали против своих более экономически и технологически развитых угнетателей и часто весьма упорно и успешно им противостояли. Самый знаменитый политический пример того времени — Вьетнам.

И, конечно, сразу стало очевидно, что крестьяноведение — это междисциплинарная наука не только для социологов, но также для историков, экономистов, антропологов, политологов, географов.

Безусловно, важен вклад в крестьяноведение российской интеллектуальной традиции, идущей еще из XIX века — от великой русской классической литературы Пушкина, Толстого, беллетристов народнического направления и до знаменитых политэкономических споров по аграрному вопросу марксистских, народнических, либеральных партий начала XX века. Российское земское движение заложило выдающуюся традицию эмпирико-статистических исследований крестьянства, получившую второе дыхание в культуре статистических обследований советского ЦСУ в 1920-е годы. Но последовавшая коллективизация советской деревни разгромила не только кулачество как класс, но и крестьяноведение как научное направление. Поруганным и преданным забвению оказалось наследие школы Чаянова, без которого сейчас невозможно помыслить современное крестьяноведение. Нельзя сказать, что после это-

го крестьяноведение абсолютно исчезло из советской науки и культуры. Большой вклад в осмысление проблем и судеб отечественного крестьянства в XX веке внесли писатели-деревенщики. Работами международного уровня можно считать исследования историков-аграрников круга В.П. Данилова, а также сельские социологические исследования Новосибирской школы Т.И. Заславской. Тем не менее в советский период крестьяноведение не могло сформироваться в самостоятельное научное направление из-за идеологической цензуры, скрывавшей тайну образования и развития колхозного строя в СССР и его влияния на раскрестьянивание страны.

Начиная с периода перестройки — с окончательной реабилитации Чаянова и его коллег-аграрников, с попыток коренных аграрных реформ и развития широких международных аграрно-социологических исследований (здесь самый впечатляющий пример — шанинский проект «Социальные структуры советского/постсоветского села») возникли возможности для возрождения и развития крестьяноведения в России. Но тут нас подстерегает горький парадокс истории: к концу XX века крестьян как таковых в России осталось очень мало. Обитатели позднесоветской и нынешней деревни в значительной степени оставили свой крестьянский потенциал в прошлом. Ведь что такое крестьянство по хрестоматийному определению Теодора Шанина: локальные сообщества (общины), состоящие из домохозяйств, работающих на земле, с собственной традиционной культурой, находящиеся в маргинально-подчиненном положении к государству и городу. Но в настоящее время сельские самоуправляющиеся общины разрушены бюрократическим контролем и централизацией, традиционная культура отошла в прошлое под натиском масс- и поп- культуры, подавляющее большинство потомков крестьянских домохозяйств давно превратились в различные категории наемных работников, неизменной остается лишь маргинальность села по отношению к государству и городу. Некогда достаточно цельный и массовый социальный тип и образ жизни крестьянства России теперь раздробился и фрагментизировался в отдельные жизненные практики современных российских фермеров, владельцев ЛПХ, наемных сельскохозяйственных рабочих и управленцев, в конце концов, дачников.

Б.З. ДОКТОРОВ: Да, я примерно так и думал, что крестьяноведение — направление социального и гуманитарного анализа, изучения, даже переживания. Недавно интересный социолог, но также и писатель Леонид Бляхер (многие годы живет в Хабаровске, по базовому образованию — филолог) подготовил «Сумбурные и совершенно субъективные заметки» на тему: «Может ли писатель выполнить работу социолога?»[2] По-моему, применительно к российской действительности писатели (от Абрамова до Яшина) в области анализа и описания жизни и менталитета крестьянства делали это сильнее, ярче, чем социологи. Помню некоторые публикации

2. http://liberal.ru/excurses/mojet-li-pisatel-vypolnit-rabotu-sociologa?

Т.И. Заславской, И.В. Рывкиной, они «остановились» на жесткой методологии: анкетирование, методы классификации и прочее, а надо было бы совместить эти результаты с наблюдениями, свободными беседами с крестьянами. Что ты по этому поводу скажешь?

А.М. НИКУЛИН: О «физиках» и «лириках» от крестьяноведения можно рассуждать долго. Исследователи сельской жизни в силу своих личных талантов и способностей персонально, так или иначе, тяготеют кто к «качественным», кто к «количественным» методам. Сельская жизнь такая обширная, что вбирает в себя самые различные стили познания, главное, чтобы они были добросовестными (нефальшивыми) и оригинальными (небанальными).

Конечно, на исследователя влияет и дух времени. Например, Чаянов был не только выдающимся экономистом-статистиком, но и, безусловно, талантливым писателем. Тем не менее в своих аграрных исследованиях он не оставил почти никакого антропологического и тем более художественного описания крестьян. Я предполагаю, что он стремился соответствовать духу своего позитивистского времени и считал, что сельская экономика и социология есть прежде всего статистика, графики, таблицы, математические модели. Хотя другой выдающийся чаяновский современник — аграрник-экономист Н.Д. Кондратьев был еще более позитивистски настроенным ученым, поэтому и называл с иронической досадой Чаянова «беллетристом». С другой стороны, Афанасий Фет — тончайший лирик русской поэзии, между прочим, был и успешным сельскохозяйственным предпринимателем. Купил себе имение — превратил его в высокодоходное хозяйство и на досуге писал невероятно проницательные очерки фактически по экономической социологии крестьянской пореформенной России[3].

Но все же, конечно, противоречия между этими стилями — «физиков» и «лириков» от крестьяноведения есть. Я здесь хочу вспомнить нашего отечественного крестьяноведа А.В. Гордона, который, кстати, и ввел сам термин «крестьяноведение» в русский язык. И кстати, Гордон подчеркивал, что «крестьяноведение» есть прежде всего «крестьяновидение». Вот он как-то беседовал в кулуарах симпозиума «Пути России» с Ю.А. Левадой (являвшимся, конечно, как и Т.И. Заславская, И.В. Рывкина, ярким представителем отечественного структурного функционализма) о методах познания социальной реальности. Гордон сказал Леваде: «Вам нравится исследовать и описывать клетку, в которой находится тигр, а мне охота постичь самого тигра». В этом проблема: стремимся постичь некоего «тигра-казака» Емельяна Пугачева, а в результате в очередной раз описываем лишь клетку, в которой он содержится.

Тут нам остается лишь одно — междисциплинарное количественно-качественное сочетание исследовательских методов. Имен-

3. *Фет А.А.* (2001). Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М.: Новое литературное обозрение.

но в этом ремесле был чрезвычайно силен и успешен Теодор Шанин. Его первая монография «Неудобный класс» — в целом образец количественного исследовательского подхода к изучению циклической мобильности крестьянства, тем не менее в приложении к этой книге мы находим и качественный анализ политической и экономической социологии крестьянства[4]. Шанинская хрестоматия «Крестьяне и фермеры в современном мире» содержит в себе не только отрывки из сочинений позитивистски ориентированных обществоведов, но также и фрагменты качественных антропологических исследований и даже тексты писателей — М. Горького, В. Белова, Дж. Берджеса. Наконец, шанинская монография «Революция как момент истины». Да, в этой книге есть статистические модели и таблицы борьбы рабочих и крестьян в 1905–1907 годах, но также постулируется и следующее утверждение: «Ученые, исследующие общество, часто упускают из виду важнейшую составляющую любой революционной схватки: пыл и гнев, которые движут революционерами и делают их теми, кто они есть. Гнев и страсть невозможно операционализировать в таблицах и цифрах. Для тех, кто столь утончен, что не замечает многих реалий, всепоглощающие эмоции кажутся вульгарными или неискренними. Но без учета этого «фактора» любое объяснение революции остается неадекватным»[5].

На шанинских «длинных столах» полевиков-крестьяноведов часто возникали дискуссии сторонников более «количественного» и более «качественного» подходов к интерпретации собранных эмпирических фактов российской сельской действительности. Шанин в таких случаях стремился к бережной комбинации различных исследовательских стилей, к достижению оптимального компромисса в противостоянии «количественных» и «качественных» мнений.

Б.З. ДОКТОРОВ: Саша, а теперь, пожалуйста, поразмышляй о том, как Теодор Шанин пришел к крестьяноведению, ведь не на пустом месте. Исходно более далекого от крестьяноведения человека, чем Шанин, даже сложно представить. Еврей, родившийся в польско-литовском Вильно, в семье, где основным языком, видимо, был идиш, отец которого был успешным торговцем галошами и приверженцем либерального сионизма. В годы Второй мировой войны Теодор ненадолго оказался на Алтае и в Самарканде, пожалуй, далеко не самые крестьянские в России регионы и культуры, затем — Польша и Палестина, участие в войне за создание Израиля и т. д. Где Шанин «подцепил» крестьяноведение или, наоборот, где оно пленило его?

А.М. НИКУЛИН: Да, действительно, на первый взгляд это может показаться странным — специализация именно в крестьянове-

4. *Шанин Т.* (2019). Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия, 1910–1925. М.: Издательский дом «Дело».

5. *Шанин Т.* (1997). Революция как момент истины: Россия 1905–1907 — 1917–1922 годы / Пер. с англ. Е.М. Ковалева. М.: Весь мир. С. 24.

дении. Отчасти это, конечно, случай. Теодору было уже за тридцать. К тому времени он — вполне состоявшийся руководитель социальной работы, яркий политический деятель. Как вдруг решает начать жизнь заново — переезжает из Израиля в Англию, где поступает в аспирантуру. Там ему предложили взять тему для диссертации про русских крестьян, и он согласился. Не сразу, но постепенно в ходе работы он открыл глубокие закономерности в эволюции русского крестьянства. По результатам своей диссертации опубликовал монографию «Неудобный класс», ставшую бестселлером, а потом классикой крестьяноведения. Почти тут же выпускает хрестоматию по крестьяноведению, которая также становится классическим сборником крестьяноведческих трудов. Потом еще последуют замечательные крестьяноведческие статьи, монографии, основание и редактирование главного международного крестьяноведческого журнала Journal of Peasant Studies, руководство международными социологическими проектами в селах Индии, Ирана, Мексики, Африки. Наконец, начиная с периода перестройки в СССР организация социологических исследований советского и постсоветского села, основание Центра крестьяноведения и ежегодника «Крестьяноведение» в МВШСЭН. Но насколько эту блистательную и плодотворную крестьяноведческую карьеру определил лишь случай?

Тут уместно сказать и о некоторых особенностях характера и мировоззрения Теодора, которые привели его в крестьяноведение. Во-первых, Шанин это не только сельский социолог. Он, безусловно, социальный мыслитель в широком смысле этого слова. У него есть глубоко профессиональные работы в области социологии знания, политической, экономической и исторической социологии. И вот Шанина как мыслителя глубоко заинтересовал феномен крестьянства в связи с такими коренными вопросами социального познания, как общественный прогресс, альтернативы общественного развития, социальная революция. Шанин полагал, что крестьянство оказалось поразительно недооцененным и непознанным в социальных науках XX века. Со времен своего юношеского левого активизма он хорошо знал высказывания вождей коммунистического движения. И как-то прояснил свою позицию выбора исследовательских тем ответами Сталина и Мао на сакраментальный вопрос партийных товарищей: какой уклон хуже и опасней в партии — правый или левый? Сталин, как известно, ответил так: «Странный вопрос — оба хуже!» А Мао сказал: «Тот уклон опасней — с которым меньше боролись». Так вот, иронически примеряя эти ответы к вопросам выбора исследовательских тем, Шанин полагал, что те направления в науке интересней, которым по каким-то причинам мало уделяли внимания. По мнению Шанина, крестьянство в социальных науках и политической жизни долгое время оставалось именно таким игнорируемым «изгоем» — эдаким примитивным и бесперспективным социальным слоем, с которым в общем-то непонятно что делать, и надо лишь подождать, а мо-

жет даже, и приложить определенные усилия, чтобы вся эта деревенщина, в конце концов, прекратила свое существование. Теодор презирал подобную точку зрения. И ему были дороги те социальные мыслители, которые, как Чаянов, например, доказывали, что крестьянство — не препятствие на дороге прогресса и культуры, а, наоборот, глубинный источник возможностей нового более устойчивого и гуманного развития человечества. Вместе с тем Шанин никогда не идеализировал крестьян и не сентиментальничал с понятием «крестьянство». Прочти его замечательную статью «Крестьянство как политический фактор»[6], где Теодор систематично и объективно анализирует как сильные, так и слабые стороны политического поведения и политической организации крестьян.

И последнее, о еврействе и крестьянстве. Знаешь, Теодор отнюдь не единственный еврей, увлеченно и успешно изучавший крестьянство. Если бы не ограничения по времени и размеру нашего интервью, я бы перечислил тебе множество российских и зарубежных имен замечательных евреев-крестьяноведов. Ограничусь для примера лишь тремя именами: Борис Бруцкус был сооснователем организационно-производственной школы Александра Чаянова. Михаил Кубанин являлся, пожалуй, самым ярким крестьяноведом-марксистом СССР 1920–1930-х годов. Вслед за Чаяновым, четырьмя годами позже Кубанин будет репрессирован Сталиным. Писатель-деревенщик Ефим Дорош, тончайший знаток крестьянской православной культуры, утверждал, что Библия есть самая мужицкая книга на земле[7]. Так что Шанин это настоящий мудрый еврей, понимающий толк в крестьянстве.

Б.З. ДОКТОРОВ: Я указал на еврейское происхождение Теодора Шанина не потому, что сомневался в том, что оно могло стать препятствием на его пути к крестьяноведению, но лишь потому, что не видел в его ранней социализации факторов, которые порождали бы такой его научный интерес. Приведу сейчас полностью ответ Татьяны Ивановны Заславской на вопрос о том, почему она стала заниматься социологией села. Очевидно, что ничего подобного не прозвучало бы в беседе с Шаниным. «Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство. — Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне, и, хотя он лет в 13

6. *Шанин Т.* (1992). Крестьянство как политический фактор. В кн. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс — Прогресс-Академия. С. 269–278.

7. *Никулин А.М.* (2019). Ефим Дорош и его «деревенский дневник»: наблюдая сельско-городские трансформации России и Ростова Великого // Мир России. Социология. Этнология. Т. 28. № 4. С. 172–192.

или 14 переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но ведь он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 году мои родители впервые не смогли вывезти нас с сестрой в какие-то новые места, чтобы расширить наш горизонт, как обычно они это делали летом. Вместо этого нас отправили в деревню к папиной двоюродной сестре Нюше. И мы с Майей неожиданно почувствовали себя в совершенно родной среде, хотя были настоящими горожанками. Мне было 13 лет, но я была рослой и казалась старше, а сестре было 16 — самый цвет. Мы были простыми в общении, ничего из себя не строили и поэтому всем нравились. Мальчишки катали нас на велосипедах, приносили к нам патефон с пластинками Клавдии Шульженко, приглашали на деревенские гулянья... На чердаке у Нюши мы нашли книжку про Тарзана, которая нам страшно понравилась. Мы учили деревенские песни и частушки и в целом были совершенно счастливы... Вообще, мы стали там в доску своими. Это был, я думаю, важный момент в моей жизни, я почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила. Мы долго там жили, все лето. Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда. Довоенное Земнево, в силу близости к Москве, было богатым. Там были хорошие личные подсобные хозяйства, коровы, огороды, все росло и множилось. Ну одевались очень просто и все такое, но жили достаточно хорошо, зажиточно. А в 1947–1949 гг., уже студенткой, я ездила на уборочные работы и увидела разоренную, послевоенную деревню. Нищета поражала. Хотя, конечно, и Москва, и вся Россия после войны жили тяжело, но деревенская нищета была на порядок сильнее городской. И ощущение социальной несправедливости по отношению к достаточно большой и близкой мне части общества не могло оставить меня равнодушной. Кроме того, тетя Нюша регулярно приезжала в Москву продавать картошку на рынке и рассказывала, как их притесняли — беспощадно, неразумно. Не плоды снимали с дерева, а просто подрезали ветки и ствол. И вот как-то зацепило. А когда я диплом писала по оплате труда в колхозах, меня увлекла история коллективизации. Я изучала историю рождения «трудодня»: тогда утверждалось, что это чуть ли не экономическая категория. Много было живого материала, и мне было интересно, хотелось разобраться до конца, чтобы не оставалось вопросов»[8].

А.М. НИКУЛИН: Это интересно! Пожалуй, тут мне следует поразмышлять над мотивацией путей Шанина и Заславской в науку вообще и в аграрную науку в частности, тем более что они были давними друзьями и коллегами — соруководителями Интерцентра, МВШСЭН.

8. *Заславская Т.И.* (2007). «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» (Интервью Б.З. Докторову) // Социологический журнал. № 3. С. 137–169.

Итак, во-первых, у Теодора тоже был свой детский опыт включенного наблюдения за жизнью российского села. Правда, не такой безоблачно дачный подмосковный довоенный, как у Татьяны Ивановны. Я напомню, что летом-осенью 1941 года Шанин вместе со своей мамой оказался в политической ссылке в селе Большая Шелковка Рубцовского района Алтайского края. Шанин мне рассказывал о тех своих детских сельских впечатлениях, частично они опубликованы в книге А. Архангельского[9]. Конечно, этот советский деревенский опыт навсегда врезался в душу Теодора.

Во-вторых, вот ведь в чем парадокс траекторий жизненных выборов в науке Заславской и Шанина. Татьяна Ивановна изначально поступила на физический факультет МГУ, а потом, заинтересовавшись социально-экономическими вопросами, перевелась на факультет экономический. А ты знаешь, что школьником-старшеклассником Теодор всерьез подумывал о карьере ученого-физика? В старших классах ему, конечно, нравились гуманитарные дисциплины, но особенно успешно и заинтересованно он занимался физикой. Более того, за этим интересом скрывался не только интеллектуальный, но и нравственный выбор. Как-то размышляя вслух над возможными траекториями своей судьбы, Шанин не исключил и вероятности продолжения своей жизни в СССР после войны. Ну вот, например, не отпустили бы его по какой-то причине обратно в Польшу в 1945 году. В таком случае, полагал Теодор, он непременно стал бы физиком. И не только потому, что ему именно это было бы интересно, а потому, что это в советских условиях было бы экзистенциально и нравственно необходимо. Во-первых, серьезной наукой в тогдашнем СССР, по мнению Теодора, прежде всего возможно было заниматься только в точных дисциплинах, ибо также интересовавшие Шанина обществоведческие дисциплины находились под чудовищным идеологическим контролем. А во-вторых, СССР необходимо было защищать! Теодор хотел бы стать именно физиком-ядерщиком или ракетчиком. Ведь у США уже была атомная бомба, а у Советов — еще нет. Теодор был убежден, что между этими двумя странами должен быть паритет в военном деле именно во имя сохранения мира.

Доказывая мне правоту своих опасений за судьбы мира, Теодор упомянул, как где-то в начале рейгановских 1980-х годов его английский друг пришел к нему весь в страшно расстроенных и разгневанных чувствах после одной университетской встречи, на которой выступал крупнейший американский историк, советолог, один из метров и классиков правой западной историографии России (хотя Теодор даже упомянул, как звали этого ученого, я здесь опущу его имя). Так вот, этому гуру советологии задали вопрос: «В противоборстве с СССР что делать или что надо было бы сде-

9. Несогласный Теодор (2020). История жизни Теодора Шанина, рассказанная им самим / Александр Архангельский. М.: АСТ. С. 40–46.

лать?» Гуру в ответ буркнул: «Что делать, что делать... Надо было на Советы в свое время атомную бомбу сбросить, а теперь и непонятно, что делать...»

В общем, в случае альтернативного биографически-советского сценария Шанин свои интеллектуальные и организационные способности вполне мог бы реализовать по мотивам знаменитых строчек песни Юрия Визбора:

А Макс Шароль — опять защитник и герой,
Имеет личность он секретную и кров.
Он так усердствовал над бомбой гробовой,
Что стал членкором по фамилии Петров.

Итак, в чем же родство жизненных траекторий Шанина и Заславской? Безусловно, это единство интеллектуального и нравственного выбора! Заниматься стоит не только тем, что интересно, но и тем, что нравственно необходимо. А нравственно необходимо становиться на защиту слабой стороны. И Шанин, и Заславская были не только исследователями, но и защитниками крестьянства!

Б.З. ДОКТОРОВ: Да, интересный параллелизм в развитии (или возможном) развитии судеб Заславской и Шанина. Ты знаешь, Теодор Шанин буквально ворвался в российскую социологию во второй половине 1980-х. Он пришел не только как ученый широкого профиля, но и как реформатор российского образования. О роли Шанина в трансформации представлений о подготовке современных социологов и экономистов мне хотелось бы поговорить ниже, а сейчас — вопрос научно-нравственного характера. Как сложились личные отношения Шанина с Татьяной Ивановной Заславской и крупным ученым-аграрником Виктором Петровичем Даниловым? Вспомним, Заславская тогда находилась на вершине известности и публичности: академик, президент Советской социологической ассоциации, директор ВЦИОМ, член Межрегиональной депутатской группы в горбачевском Верховном Совете и прочее. Данилов не был в той же мере публичным человеком, но он многие годы занимался аграрной историей России/СССР, создал школу аграрной истории.

Не возникало ли какой-либо напряженности между ними и Шаниным, ведь подобное случается в научном мире. С одной стороны, российские ученые, десятилетиями изучавшие российскую деревню, экономику села, образ жизни сельского населения, с другой — «новичок», иностранный специалист, книжный ученый?

А.М. НИКУЛИН: Шанин, Заславская, Данилов были, конечно, не просто коллегами, но друзьями-единомышленниками и настоящими интеллектуальными вдохновителями Интерцентра/МВШСЭН.

Особо глубокие дружеские отношения связывали Шанина с Даниловым. Они познакомились лично во второй половине 1970-х го-

дов — Теодор неоднократно в своих воспоминаниях и интервью рассказывал, как именно произошло это знакомство. Работая над своей книгой «Россия как развивающееся общество» в 1977 году, он приехал в полугодовую академическую командировку в СССР. В самом начале своего пребывания в Москве Шанин посетил Институт истории, где спросил о возможности встречи с профессором Даниловым. Руководство института Шанину ответило, что, к сожалению, Данилов болен. Шанин после этого ответа побрел по коридорам института и наткнулся на дверь с табличкой «Отдел аграрной истории», открыл ее дверь, а там сидел человек и пальцем одной руки что-то печатал на пишущей машинке. Они как-то само собой разговорились, и оказалось, что перед Шаниным тот самый Данилов, про которого начальство соврало, будто он заболел. У Данилова тогда, в 1970-е, были тяжелые времена. Вообще-то проблемы у него начались уже во второй половине 1960-х, когда группа историков под его руководством подготовила труд по истории коллективизации. Это было глубокое и объективное исследование, достаточно правдиво анализировавшее сталинские практики «Великого перелома». Но к тому времени оттепель, под давлением брежневского неосталинизма, сворачивалась, и книга о коллективизации была рассыпана в гранках. Данилов был подвергнут серии идеологических проработок в Институте истории, из руководителя группы историков и секретаря парторганизации института его понизили до просто старшего научного сотрудника. Ему сменили тему исследования, и вместо коллективизации Данилов занялся изучением доколхозной советской деревни 1920-х годов. Впрочем, и по этой теме он, в конце концов, выпустил в свет великолепный монографический двухтомник[10]. Только начиная с периода перестройки Виктор Петрович смог в полной мере организовать и возглавить широкий фронт исторических исследований советской аграрной и политической истории времен сталинизма. Итогом стали ценнейшие многотомные историко-архивные публикации по крестьянским восстаниям в период Гражданской войны[11], истории партийных конфликтов 1920-х годов[12] и, конечно, коллективизации — раскулачивания 1930-х годов[13].

Кроме того, на базе Интерцентра под руководством Данилова и Шанина периодически проходил высокого академического уров-

10. *Данилов В.П.* (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977; *Данилов В.П.* (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.
11. Антоновщина (2007). Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / Под ред. В.П. Данилова и др. Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл.
12. Как ломали НЭП (2000). Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, ред. колл. М.С. Астахова, Г.В. Горская. М.: МФД.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (1999–2004). 1927–1939. В 5 тт. / Под ред. В.П. Данилова, Р. Манинга и др. М.: РОССПЭН.

ня аграрный семинар, объединивший в своих рядах ведущих российских аграрников. Все материалы этого семинара опубликованы отдельной книгой[14].

По своему мировоззрению Данилов был одним из самых ярких и глубоких марксистов-шестидесятников периода оттепели, приобретший в своей юности и фронтовой опыт — войну он закончил в Чехословакии в чине лейтенанта-артиллериста. Характером Виктор Петрович выделялся прямолинейно принципиальным. В полемике — и печатной и устной — Данилов часто бывал язвителен, беспощадно резок, отличаясь при этом железно последовательной логикой своей аргументации. Я неоднократно наблюдал даниловские выступления на семинарах Интерцентра и симпозиума «Куда идет Россия»: воистину не позавидуешь оппоненту, против которого, конечно, исключительно по принципиальным идейно-идеологическим соображениям, ополчался Виктор Петрович. Мне Данилов внешним видом и своими манерами (его густые седые волосы были зачесаны назад, будто в форме парика вельможи времен Екатерины II) напоминал сурового и ворчливого князя Петра Болконского из «Войны и мира».

Данилова и Шанина связывала трогательная дружба. Оба они фронтовики, суровые, принципиальные и одновременно тонкого душевного склада личности. Им обоим нравилась поэзия Серебряного века, в особенности стихи Блока и Пастернака. В сфере аграрной исторической науки они были почти стопроцентными единомышленниками. Теодор упоминал, впрочем, что Данилов, в целом несогласный с политикой раскулачивания, тем не менее полагал, что «кулак» как социально-экономический тип был вполне реальным в советской деревне 1920-х годов. Теодор же, иногда споря с Даниловым, считал, что классический «кулак-мироед» — редкостное исключение, а в целом «кулак» есть прежде всего идеологический жупел советской пропаганды.

Шанин — по характеру своему донкихотовский защитник всего человечества — как мог, опекал и своего друга Виктора. В тяжелые 1990-е годы руководство Центром крестьяноведения в Интерцентре и редактирование ежегодника «Крестьяноведение» в МВШСЭН было существенным финансовым подспорьем для Данилова. Шанин также периодически деликатно «осаживал» Виктора Петровича, когда тот порой уж слишком придирчиво и беспощадно полемизировал со своими противниками из либерального или сталинского лагеря. И Данилов тут, как правило, смирялся, прислушивался к примирительно толерантному голосу Теодора...

Теперь о Заславской и Шанине. Как упоминал Шанин, второй раз он посетил Сибирь (первый раз это была ссылка времен его

14. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М.: РОССПЭН.

детства на Алтай) прежде всего из-за Татьяны Ивановны Заславской. Теодору очень хотелось лично познакомиться с Заславской и ее школой новосибирской социологии. Знакомство оказалось успешным и плодотворным. В результате этой поездки Шанин рекрутировал ряд молодых новосибирских социологов в организуемые им летние академические школы в Англию в конце 1980-х годов. И кроме того, эта встреча положила начало многолетнему личному сотрудничеству Шанина и Заславской. Например, на пике популярности СССР на Западе Шанин организовал издательскую серию книг «Второй мир», в которой публиковались переводы монографий ведущих советских ученых-обществоведов для ознакомления с их творчеством интеллектуальной общественности Запада. Так вот, открылась эта серия книг в 1990 году именно публикацией монографии Заславской «Вторая социалистическая революция»[15]. Для завершения работы над этой книгой Шанин выбил британское финансирование трехмесячного пребывания Заславской в Англии. Именно там, освобожденная от участия в бесконечном вихре общественно-политических мероприятий перестройки, Татьяна Ивановна смогла подготовить к печати свою монографию.

И, конечно, далеко не случайно профессор Шанин пригласил в начале 1990-х годов академика Заславскую стать вместе с ним сопрезидентом Интерцентра и одним из ключевых академических интеллектуалов МВШСЭН. Это был, безусловно, правильный и точный выбор. Как сопрезиденты и сопредседатели знаменитого междисциплинарного семинара Интерцентра начала 1990-х годов Шанин и Заславская представляли собой «идеальную академическую пару».

Вместе с тем отношения Шанин–Заславская, безусловно, всегда глубоко уважительно дружеские, все же не были столь личностно доверительными, как отношения Шанин–Данилов. С точки зрения научного мировоззрения и методологии порой ощущалось некоторое дистанцирование между «количественником» структурным функционалистом Заславской и «качественником» феноменологом Шаниным. Кроме того, Татьяна Ивановна была прежде всего специалист в области экономической социологии, а Теодор — исторической социологии. Шанин как-то мне с грустной досадой сказал, что спрашивал Заславскую: читала ли она Чаянова, и если да, то что думает о его творчестве? Заславская ответила, что, когда такая возможность ей предоставилась, она с Чаяновым ознакомилась, это все очень мило и интересно, но ведь все чаяновское крестьянское хозяйство осталось глубоко в прошлом. В условиях нынешнего аграрного прогресса, кажется, невозможно всерьез применять

15. *Zaslavskaya T.I.* (1990). The Second Socialist Revolution. An Alternative Soviet Strategy / Foreword by Teodor Shanin. London: Tauris.

идеи Чаянова, — заключила Заславская. А для Шанина, да и для меня, конечно, Чаянов актуален во все времена.

Шанин глубоко уважал Заславскую за ее честность и принципиальность. Он всегда с громадным сочувствием отзывался об истории с «Новосибирским манифестом». Вместе с тем, как и в случае с Даниловым, этот Дон Кихот и реально, и в своем воображении всячески стремился защитить Заславскую. Он однажды как-то так вслух принялся размышлять над историей «Новосибирского манифеста», которую ему лично рассказывал Аганбегян. Аганбегяна и Заславскую долго, грубо и одновременно иезуитски изощренно прорабатывали на заседании Новосибирского обкома. Их все ругали и ругали, «толстокожий» Аганбегян сидел молчаливо угрюмый и лишь иногда тихо повторял Заславской: «Таня, ничего им вообще не отвечай», а Заславская на том заседании плакала. «Вот что тут будешь делать! — Восклицал Теодор. — Если Татьяну Ивановну обидеть, что произойдет?! Она расплачется! А я в таком случае сожму кулаки и буду со всеми ними драться!»

Мне кажется, что в пересказе этой истории Шанин преувеличил женскую слабость Заславской, воображая себя ее защитником. Может, Заславская по-женски и плакала, а все же при всем при том она была, безусловно, очень сильная и мужественная женщина.

А сам Теодор, между прочим, это был такой «слезомой»! На семинарах, да и в личностных разговорах, когда речь заходила о каких-то событиях, на кону которых стояли испытания человеческой чести и достоинства, часто Шанин не выдерживал и на его глазах выступали слезы ярости или умиления, и голос его дрожал. Теодор знал эту свою «эмоциональную слабость» и не стыдился своих слез. Как-то он рассказал мне именно в связи с эффектом слез, что в начале 1960-х, совсем недавно оказавшись в Англии, пошел в кинотеатр на просмотр знаменитого советского фильма «Летят журавли». По окончании фильма Теодор вышел из кинозала весь зареванный. К тому же он восторженно полагал, что в стране, создавшей такое кино, все будет непременно меняться в лучшую сторону. Среди толпы, выходившей из зала, один молодой англичанин попенял Теодору, что мужчинам не пристало плакать. Теодор в ответ мгновенно вспылил, заорав: «Послушайте, Вы, я на войне убил человека и спас женщину, а чем Вы можете доказать свою мужественность?!» Этот англичанин, да и вся вокруг публика в шоке стушевались.

Б.З. ДОКТОРОВ: Сначала, Саша, одно воспоминание, подтверждающее слова Шанина. Наверное, весной 1990 или 1991 года сотрудники ВЦИОМ, московской части и регионалы, участвовали в выездной сессии в Алма-Ате. В салоне самолета я оказался рядом с Татьяной Ивановной, и мы добрую часть перелета говорили о жизни. Тогда я рассказал ей, что получил небольшой грант для

изучения работ по социологии труда в дореволюционной России. Рассказал о многих, даже об отце Нобелевского лауреата по экономике труда Василия Васильевича Леонтьева, тоже Василия Васильевича Леонтьева — Татьяна Ивановна честно призналась, что ничего этого не знала.

Теперь о Теодоре Шанине. Недавно я провел интервью с нашей коллегой, социологом и редактором журнала «Мир России» Светланой Барсуковой. Ты, знаешь, она еще и писательница, поэтому по ходу нашей беседы я просил ее обрисовать портреты коллег, оказавших на нее заметное влияние. Среди них был и Теодор Шанин. Она рассказала о значении работ Шанина в выборе ею темы своего докторского исследования и, говоря о его личности, заметила: «Шанин не был мятущимся интеллигентом. Интеллигент боится жестко сформулировать мысль, потому что допускает, что она еще не вполне додумана, поэтому он в вечном терзании и неловкости перед теми, с кем он не согласен, как бы извиняется за свою правоту. А Теодор Шанин был уверен в том, что он говорил. Как и в том, что он не изменит своего мнения. Несогласные делились на дураков и врагов. Я помню, как он однажды рассказал мне, как фашистские овчарки искали евреев. Собаки чуяли страх. И никогда не опознавали Теодора, потому что он их не боялся. Не делал вид, а не боялся. Собак-то не обманешь».

Не мог бы ты прокомментировать эти слова?

А.М. НИКУЛИН: Тут Светлана Барсукова в своих воспоминаниях что-то путает. Во-первых, Теодор, слава богу, никогда не имел дело с фашистскими овчарками. Судьба не стала испытывать его страх фашистскими псами, предусмотрительно отправив Теодора на время войны с нацистской Германией в ссылку в глубь СССР. Хотя судьба неоднократно испытывала бесстрашие Теодора в подростковых драках, в столкновениях с советскими милиционерами и гэбэшниками, а также с польскими, израильскими, английскими и американскими полицейскими, наконец, на Войне за независимость Израиля.

Во-вторых, социолог Барсукова слишком обобщает так называемую извечную робость интеллигентов. Интеллигенты бывают разные, среди них мы обнаруживаем не только неврастенически рефлексирующих недотеп, но и вполне себе ясно думающих и твердо поступающих, при этом одаренных истинно интеллигентской чувствительностью и деликатностью. Именно к такому типу интеллигентов принадлежал Теодор Шанин.

В-третьих, писатель Барсукова изрядно упрощает твердость и бесстрашие Шанина. Теодор Шанин это — опытный социальный работник, психолог, политик, прекрасно осознающий значение, глубину, сложность как коллективных, так и индивидуальных страхов. Как-то в беседе со мной он, задумавшись, произнес: «Знаешь, а ведь у каждого из нас есть свой страх. Именно он

для человека самый опасный. И у меня есть мой собственный страх. И я думаю и помню о нем. Как хорошо сказал Рузвельт в обращении к американской нации в день японского нападения на Перл-Харбор: не стоит ничего бояться, кроме собственного страха!»

Б.З. ДОКТОРОВ: Я процитировал слова Светланы, так как усмотрел в них нечто, указывающее на авторитарность Шанина. Так ли это? Присутствовала ли она в его характере и деятельности? Что это за классификация Теодором не согласных с ним на дураков и врагов?

А.М. НИКУЛИН: Честно говоря, такую прямолинейную классификацию несогласных на дураков и врагов я от Теодора никогда не слышал, хотя он и признавал, конечно, что в мире существуют и дураки, и враги. Более того, я бывал свидетелем споров различных людей, несогласных с Теодором (да я и сам неоднократно с Теодором спорил и в наших личных беседах, и в присутствии окружающих). Теодор умел прислушиваться к чужому мнению, уважать его. Он мог корректировать свою точку зрения, если его действительно внятно и аргументированно могли убедить в своей правоте полемизировавшие с ним люди.

Как-то я рассказал Теодору об увлечении моего сына-подростка древнеримской историей, как он проигрывает в своем воображении военные и политические битвы знаменитых римлян — Цезаря, Красса, Помпея и других. Теодор заинтересованно переспросил меня: «В этих его воображаемых разборах военных и политических конфликтов твой сын умеет становиться на сторону разных противников?» Потом добавил: «Это важно и необходимо уметь понимать логику и чувства противоборствующей стороны, вживаться в ее ценности». Другой пример: на одном из самых первых семинаров Интерцентра кто-то в связи с каким-то грубо эпатирующим выступлением, как бы сейчас сказали, неполиткорректным событием, — книгой в России начала 1990-х (не помню уже, что же это такое конкретно было), кто-то из участников семинара сказал, что такое вообще запрещать надо... И Теодор возразил против подобных запретов следующим образом: «Коллеги, поверьте, я думаю, что среди здесь присутствующих никто так не пострадал от фашизма и никто его так глубоко ненавидит, как я. Но уверяю вас, я откажусь работать и преподавать в том университете, который из соображений политкорректности исключит из своей библиотеки книгу «Майн Кампф» Адольфа Гитлера».

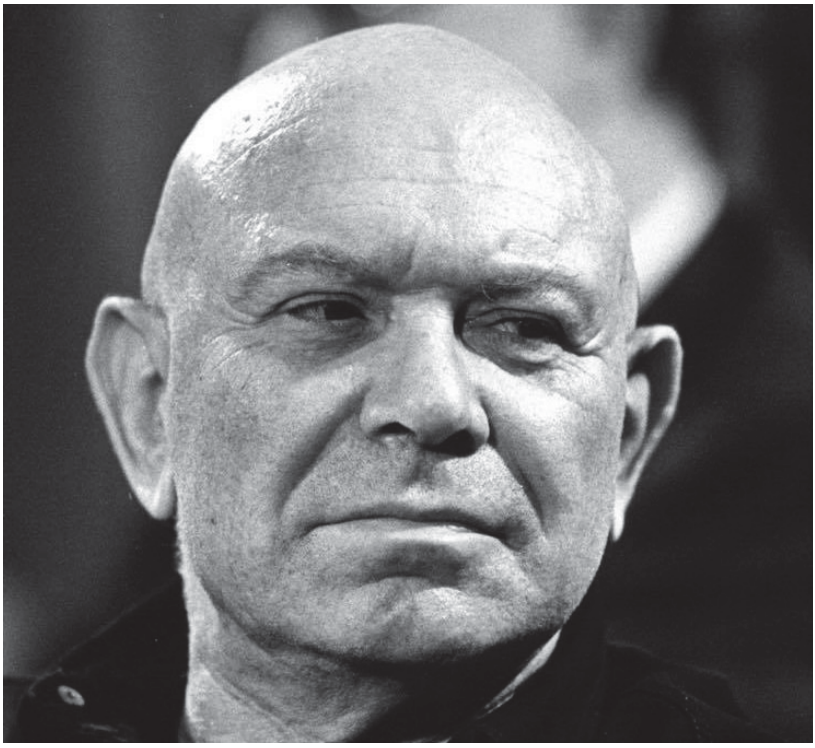
При этом, конечно, Теодор часто в спорах мог быть и тем самым несогласным, в духе названия книги Архангельского, оставаясь при своей точке зрения.

Как-то только начинавший свою карьеру самостоятельного социолога Дмитрий Рогозин году кажется в 2004-м, на семинаре Интерцентра докладывал о результатах своего исследования поведе-

ния и мировоззрения лидеров различных российских молодежных организаций. Он опросил по телефону ряд таких организаций и их молодых лидеров, придя к обобщающему выводу, что со времен советских комсомольских организаций ничего в мировоззрении молодежных лидеров не изменилось. Они представляют собой пустых, самовлюбленных карьеристов, отвечающих и думающих прагматическими штампами текущего политического момента. На этом семинаре присутствовал Шанин, и по нему было видно, что рогозинская презентация вызвала в нем недоумение. Шанин уточнил у Рогозина: «Из Вашего исследования следует, что все молодежные лидеры как правых, так и левых направлений, как теперь, так и раньше, представляют собой вот такой обобщенный социальный тип, который Вы нам описали?» Рогозин ответил утвердительно. «Но так не бывает, и я с этим не согласен, — решительно возразил Теодор, — я по своему обширному молодежному опыту, по крайней мере, левых движений могу заявить, что знал достаточно и думающих, и принципиальных лидеров, отстаивавших дорогие им ценности».

Теперь поговорим об авторитаризме и Теодоре. По моим личным наблюдениям, есть люди, которым чрезвычайно нравится быть авторитарными. Для них авторитаризм — командовать, резко вплоть до ругани критиковать, запугивать, давить — есть их природное естество. Конечно, Теодор таким не был, ему в этом смысле, безусловно, претило быть авторитарным. Теодор был действительно демократичным и толерантным человеком и руководителем. Но! Если в этом была необходимость, если другого выхода не было, тогда Теодор мог и умел быть авторитарным! Вернувшись как-то из кубанского полевого исследования, я пересказал Теодору сентенцию одного вот уж действительно достаточно авторитарного кубанского председателя колхоза, который, трансформируя коллективное хозяйство в рыночный холдинг, так объяснял принципы своего руководства: «У нас ведь сейчас рыночная экономика, мы тут все всем объясняем по-хорошему, а если до кого-то это не доходит, то я ведь на такого могу и наорать, как это у нас было принято в райкоме партии!» Теодор в ответ понимающе ухмыльнулся. Давайте не забывать, что родом Теодор из авторитарно-тоталитарного детства и отрочества Восточной Европы и Средней Азии. В юности он был активным участником международного подпольного движения, а неавторитарных подполий в этом мире не бывает.

У нас в первое десятилетие существования МВШСЭН перед административным отделом висел стенд с портретами всех сотрудников Московской школы. Фотографии на этом стенде были цветные, а лица в основном доброжелательно улыбающиеся. Лишь фотография ректора МВШСЭН Теодора Шанина была черно-белой, а лицо Шанина на этой фотографии — суровым и властным. Вот эта фотография. Теодор сам ее выбрал для стенда:

В этой связи не могу не пересказать пару иронических комментариев по поводу данного фотопортрета, услышанных мною в беседе с такими замечательными добродушными острословами, как профессора Джим Скотт и Геннадий Батыгин. Знаменитый Джим Скотт (вот это я должен сказать — настоящий американский интеллектуал-демократ), посетивший МВШСЭН в 2003 году, остановившись перед стендом Школы, обратил свое внимание на фото Теодора и воскликнул со смехом: «Чего это тут наш Тедди выглядит как диктатор?!»

А первый декан социологического факультета МВШСЭН, профессор Геннадий Семенович Батыгин, как-то остановившись перед этим Теодоровым портретом, указал мне на него и сказал с лукаво смиренным вздохом: «Знаете, Александр Михайлович, когда я вижу такое выражение лица, мне хочется взяться за работу над эссе под названием “Взгляд вождя”!» Теодору было присуще чувство юмора, думаю, что он бы сам в ответ рассмеялся, услыхав шутки коллег Скотта и Батыгина про свой портрет. Но, повторяю, в интересах дела Теодор мог действительно проявить свои авторитарные навыки политика и организатора, приобретенные и натренированные еще в годы юности.

Б.З. ДОКТОРОВ: Понимаю, что тема непростая, но как от нее уйти в нашем разговоре? Не мог бы ты кратко охарактеризовать

взгляды Теодора Шанина на теоретические и политические концепции народников и лидеров большевистской революции? В частности, если я не ошибаюсь, вопрос о праве на землю в России до сих пор не решен.

А.М. НИКУЛИН: Это одна из центральных тем в творчестве Теодора, которой он посвятил много своих книг и статей. Действительно, тут волей-неволей придется отвечать кратко, а за подробностями обращайтесь к самим Теодоровым сочинениям. Шанин вообще высоко ценил российско-освободительную революционную традицию и в особенности народническо-эсеровское направление. Он с глубокой симпатией относился к народовольцам, и не только в целом за их мужественное поведение, но прежде всего за ряд потрясающих долговременных политических прогнозов, которые оставили перед своей смертью эти такие молодые, но весьма проницательные люди. Он высоко ценил аналитические материалы переписки Веры Засулич с Карлом Марксом. Во многом на переосмыслении этих материалов базировалась коллективная монография Шанина и его иностранных коллег «Поздний Маркс и русский путь»[16]. Шанин, впрочем, как и многие исследователи прошлого и нынешнего времени, считал, что именно партия эсеров внесла решающий вклад в революционную борьбу с царским самодержавием. Причины неудач эсеров начиная с 1917-го и в последующие годы Шанин видел прежде всего в субъективном факторе. По его мнению, среди эсеров было достаточно талантливых и героических революционеров, но в решающий момент среди них не оказалось такого стратега с железной организационной хваткой, каким был Ленин у большевиков. Шанин полагал, что таким эсеровским Лениным у эсеров мог бы стать Гершуни, но он умер еще в 1908 году.

Для Шанина было очевидно, что знаменитый ленинский «Декрет о земле» фактически был эсеровским манифестом, который большевики, не смущаясь, выхватили из рук своих растерявшихся политических оппонентов, обнародовав его от имени своей партии, захватившей власть.

Что касается социал-демократов, то Шанин полагал, что им слишком долго был присущ дух догматического марксизма, мешавший социал-демократической партии объективно оценивать положение дел в России. Шанин весьма скептически и критически относился к Г.В. Плеханову, именно как к влиятельному ортодоксальному марксисту, много потрудившемуся на ниве вульгаризации марксизма в России. Помню, как Шанин насмешливо отозвался о Плеханове: «Вот сколько он в своих сочинениях призывал к марксистскому эмпирическому изучению действительности, а ведь сам никогда эмпирическими исследованиями не занимался (в отличие от Маркса и Ленина), а все предпочитал что-то пописывать в обла-

16. Late Marx and the Russian Road (1983): Marx and the ‘Peripheries of Capitalism’ / Ed. by T. Shanin. New York: Monthly Review Press.

сти социальной философии исторического материализма». Шанин, на мой взгляд, достаточно критично и объективно проанализировал эволюцию Ленина как аграрника в своей программной статье «Четыре с половиной аграрных программы Ленина»[17]. В этом исследовании Шанин показал, как молодой Ленин-ортодокс с возрастом переосмысливает роль и значение крестьянства в революции и обществе, и фактически становится под конец своей жизни во времена НЭПа Лениным-«ревизионистом», достаточно конструктивно оценивая значение роли крестьянства как в Революции, так и в перспективах дальнейшего развития Советской России. Шанин любил подчеркивать, что в стопке последних книг, которые читал Ленин, находилась и монография Чаянова «Теория сельскохозяйственной кооперации». В перспективе, предполагал Шанин, если бы Ленин прожил дольше, он, возможно бы, развил в аграрной политике курс, который проложил Чаянов в аграрной науке.

Что касается остальных большевистских лидеров, то Шанин высоко оценивал именно организаторско-идейные таланты Троцкого в годы Революции, отмечая, что именно Ленин и Троцкий явились главными и выдающимися вождями победы большевиков. Шанин с симпатией относился к Бухарину, но признавал, что в аппаратной борьбе тот оказался менее искушенным и потому проиграл Сталину. Вообще, Шанин, как и Данилов, считал, что победа сталинизма не была предопределена объективной логикой Русской революции, как это утверждают многие современные исследователи. И Шанин, и Данилов были сторонниками альтернативных путей в истории, полагая, что в конце 1920-х годов в большевистской политике противоборствовало несколько альтернатив, среди которых так называемый бухаринско-рыковский правый курс был наиболее подходящим и оптимальным для социального, экономического и политического развития России. Поражение правых не было фатально предопределено объективным развитием производительных сил или социальными структурами, внешнеполитической обстановкой 1920-х и так далее. Поражение правых явилось результатом их конкретных неудачных политических решений, недооценивших силу коварного аппаратного гения Сталина.

Шанин рассказывал мне, что со временем его отношение к Сталину менялось. В 1956 году, после хрущевского доклада на XX съезде партии, левые в Израиле, впрочем, как и левые по всему миру, оказались в шоке. Шанин вспоминал, как вокруг него в Израиле соратники по левому движению были буквально парализованы растерянностью и эмоциями. Но лично для Шанина этот доклад не оказался такой уж неожиданностью, ведь он еще ребенком сам пожил в России, являясь одним из репрессированных среди многих репрессированных, ощущая на себе все прелести повседневно-

17. *Шанин Т.* (2004). Четыре с половиной аграрных программы Ленина // Отечественные записки. № 1. С. 188–214.

го сталинизма. Шанин тем не менее для себя тогда после 1956-го таким образом объяснял поведение Сталина: да, он был чрезвычайно жесток, совершал крупные ошибки, тем не менее у него была своя логика защиты и развития революции и социализма, которую Сталин, в конце концов, воплотил в жизнь. Но идет время, вскрывались и вскрываются все новые и новые преступления Сталина и сталинизма. Я полагаю, что эпоха перестройки стала для Шанина временем окончательной внутренней переоценки феномена Сталина. Мне приходилось неоднократно обсуждать с Шаниным историю СССР времен сталинизма и значения в нем самого Сталина. Шанин с горечью и гневом признавал, что Иосиф Виссарионович, в конце концов и прежде всего, это уголовник-упырь, своими преступлениями основательно дискредитировавший идею социализма[18]. Шанин также называл Сталина «великим крестьяноборцем», сумевшим коллективизацией сломать силу и волю самостоятельного крестьянства, подчинив крестьян своей власти.

Вместе с тем Шанин никогда не отрекался от своих левых идеалов. Преодоление социального неравенства, возможность равноправного экономического и культурного развития всех людей и обществ, создание принципиально нового гуманного общества — для Шанина всегда оставались главными экзистенциальными целями.

Возвращаясь к личностям эпохи Русской революции, вновь могу отметить, что Шанин чрезвычайно высоко ценил Александра Чаянова, не только как аграрника социолога и экономиста, но прежде всего как социального философа и футуролога, интеллектуальное наследие которого остается чрезвычайно актуальным для нашего времени.

Б.З. ДОКТОРОВ: Из того, что я читал у Шанина и слышал в интервью с ним, сложилось представление, очень близкое к тому, что ты описал. Объяснение только одно — Теодор очень глубоко знал историю России, а она во многом является крестьянской, и был последователен в изложении своих взглядов. Похоже, они — в годы его жизни и работы в России — были интеллектуальной базой его независимости и, возможно, иногда причиной резкости его суждений. Наверно, он был рад общению с В.П. Даниловым, с которым они во многом были единодушны. Приходилось ли тебе обсуждать с Шаниным его отношение к русским писателям, очеркистам, рассказывавшим о деревне, крестьянах. Эта тема была одной из центральных в русской классической литературе. Да и все многоликое направление в советской литературе, его представители (скажем, Федор Абрамов, Василий

18. Более подробно об отношении Шанина к эпохе сталинизма и проблемам этики в политике можно узнать из: *Шанин Т., Никулин А.М., Пугачева М.Г.* (2020). «В центре всего должен быть вопрос этики...»: интервью с Теодором Шаниным // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 345–362. https://sociologica.hse.ru/2020-19-1/354087775.html

Белов, Валентин Распутин, Александр Яшин, Валентин Овечкин...) обозначались термином «деревенщики». И как не вспомнить и художников-«передвижников»?

А.М. НИКУЛИН: Ответ на этот вопрос, пожалуй, начну с общих характеристик литературных предпочтений Теодора. Он, конечно, знал мировую классику, но Теодор, как мне кажется, не был большим поклонником глубоко психологических и высокохудожественных произведений — скажем так, Кафка, Пруст, Джойс, а также Толстой, Достоевский, Гончаров не входили в круг его любимых писателей. Теодор предпочитал более увлекательную динамику исторических, приключенческих, детективных, фантастических и утопических романов. Из запомнившихся мне его личных предпочтений в этих жанрах были, например, «Генрих IV» Генриха Манна, морские приключения Джозефа Конрада, детективы Агаты Кристи (по ним Теодор в свое время учил английский язык), утопии Стругацких, Урсулы Ле Гуин и других.

В целом он не был большим поклонником литературы русского реализма, корни которого определяли в значительной степени «прозу деревенщиков». Из наших бесед я убедился, что Шанин знал некоторые произведения Абрамова, Белова, Распутина, Шукшина, но не уверен, что он знал произведения и имена многих других «деревенщиков». В оценке литературы «деревенщиков» для него был важен принцип объективности. Как-то он мне приводил примеры из некоторых рассказов Федора Абрамова, которые ему нравились хорошо подмеченными переменами в поведении советской деревни 1960–1970-х годов. В своей крестьяноведческой хрестоматии «Великий незнакомец» Шанин опубликовал отрывок из «Лада» Василия Белова. Шанин беловский «Лад» оценивал достаточно высоко за его системное изложение (модель) идеального образа жизни крестьянства. Вместе с тем Шанину претила консервативная идеализация крестьянства. Как-то на одном из «длинных столов» крестьяноведов он подчеркнул: мы не найдем каких-то конечных, абсолютно правильных истин ни в одном социальном слое. «Некоторые думали и думают, — пояснял Шанин, что где-то там, в глубинах народной жизни, есть особые крестьяне, которые обладают заветной тайной смысла жизни и помогут нам объяснить, как правильно жить на этом свете. Но нет таких людей и нет таких крестьян». Да, и еще Шанин очень любил поэзию Есенина.

Что касается живописи, тут Теодор по своим предпочтениям, на мой взгляд, был в большей степени, чем в литературе, психологический авангардист. Мне кажется, Ван Гог и Эдвард Мунк были его самыми любимыми художниками. Я не помню, чтобы мы с ним разговаривали о передвижниках. Могу предположить, что он уважал передвижников за их гражданскую позицию, но с точки зрения именно живописных достоинств наверняка передвижники могли быть скучноватыми художниками для Теодора.

Из наших разговоров о русских художниках запомнилось только, что он с сочувственным любопытством упоминал живопись Василия Верещагина за ее колоритные психологические батальные сцены. Возможно, верещагинские картины азиатских полей сражений пробуждали в Теодоре впечатления его собственных детства и юности.

Б.З. ДОКТОРОВ: О жизни и личности Теодора Шанина мы могли бы еще долго говорить, уверен, многие его ученики и коллеги тоже будут пытаться понять «феномен Теодора». Чужестранец, с не лучшей детской памятью о жизни в Советском Союзе, смог не просто погрузиться в историю России, но полюбить эту страну, поверить в нее и понять. Не полюбил бы, не приехал бы Москву в сложное перестроечное время, не взвалил бы на себя тяжеленный груз, который только он — боец и борец — мог осилить.

Однако есть еще одна тема, по которой мне хотелось бы узнать твое мнение: «Что сегодня собою представляет российское крестьянство? Какая это часть населения России, где в основном оно проживает, чем занимается, какие экономические, продовольственные проблемы решает и что в наибольшей степени затрудняет его жизнь?»

А.М. НИКУЛИН: Я на этот вопрос постараюсь ответить, используя как раз исследовательские подходы Теодора Шанина, который дал одно из классических определений крестьянства, включающее в себя четыре аналитических характеристики: семейное хозяйство, хозяйствование на земле среди природы, локальная деревенская культура, подчиненное положение крестьян в система социального господства[19]. Если мы попробуем применить эти четыре характеристики к современным сельским жителям России, то что мы получим?

Первое: да, подавляющее число сельских жителей России ведут собственное домашнее хозяйство, но для большинства из них оно не является экономической основой их существования, как это было характерно для крестьян. Крестьянское домашнее хозяйство, начиная с колхозных времен и далее, трансформировалось у нас в основном в ЛПХ — личное подсобное хозяйство, являющееся часто очень важным элементом сельского домохозяйства, но отнюдь не базовым, все определяющим, как это было у крестьян. Далее: домашнее хозяйство традиционной крестьянской семьи в значительной степени зависит от большого количества рабочих рук. Крепкая, дружная, работящая крестьянская семья — это в былые времена, как правило, семья большая. Но демографический переход второй половины XX века почти снивелировал размер семей и в городе, и на селе, а главное, значительно уменьшил количество детей

19. Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс. С. 11.

в современной сельской семье по сравнению с эпохой традиционного аграрного общества.

Итак, мы видим, что этот фундамент крестьянской экономики — крепкое достаточно автономное домашнее хозяйство — в значительной степени ослаблен, качественно и количественно уменьшившись в своих размерах.

Далее, труд на земле среди природы — кажется, эта крестьянская характеристика по-прежнему должна быть присуща современным сельским жителям. Но и она оказывается в значительной степени ослабленной и трансформированной, так как сначала советское коллективное, а затем и нынешнее частное природопользование, наконец, бурный технический прогресс последних десятилетий в значительной степени подорвали, ослабили знаменитую органическую связь крестьянина с землей и окружающим природным миром. По загрязненности бытовым мусором, пластиковыми пакетами и прочей дрянью сельские населенные пункты имеют те же проблемы, что и города России. Давно осталось в прошлом то экзистенциально трепетное отношение крестьянина к земле, о котором мы с вами читали в великих произведениях русской классической и народнической литературы. Теперь в наших социологических беседах о земле с сельскими жителями можно часто услышать ворчливо усталое: «А кому такая земля нужна? Что ты на ней будешь делать, когда у тебя нет техники, кредитов, возможности сбыта произведенной продукции? А цены на горючее, удобрения? Да почти все вокруг у нас уже утратили навыки самостоятельного хозяйствования на земле. Вот есть еще некоторые фермеры, пытаются там что-то делать самостоятельно. Но и им так все нелегко дается».

Обратимся теперь к третьей шанинской характеристике крестьянства — культуре локального сообщества — ведь и от нее мало, что осталось в современной сельской России. Поп-культура, лет пятьдесят назад захлеставшая из динамиков аудиосистем, экранов телевизоров, а сейчас тысячекратно усиленная компьютерно-мобильниковым буйством интернета, почти заглушила воспроизводство и развитие локальных сельских культур. Лишь редкие ценители народного творчества да местные краеведческие, а также университетские фольклорные команды упорно стремятся к бережному сохранению и развитию образцов крестьянской народной культуры.

Но главное, что здесь оказалось в значительной степени утраченным — это культура локальной самоорганизации. Речь тут идет даже не о крестьянской общине, уже давно разрушенной социально-политическими катаклизмами еще XX века, но о более повседневных локальных практиках солидарности и взаимопомощи сельского населения, также подорванных мерами централизации и стандартизации местного самоуправления, проводимых государством и глобальным бизнесом.

И, конечно, фатально подорвал жизненный потенциал культуры локальных сельских сообществ затяжной социально-демографический кризис сельской России, приведший к исходу — массовой миграции, как правило, самых работящих и энергичных сельчан в города, превращению российских сел и деревень в резервации стареющего и спивающегося бедного населения.

Лишь четвертый фактор — маргинальность крестьянства по отношению к городу и государству — по-прежнему неизменно проявляет себя в современных сельско-городских условиях. Интересно, что в первом шанинском сельском социологическом проекте 1990-х годов, когда мы задавали вопрос в колхозах и совхозах о самоидентификации сельских жителей, они нам, как правило, отвечали, что крестьянами себя не считают, поясняя: «Наши предки были крестьянами, знали триста ремесел, были необразованными, жили своим миром вдали от города, а мы сейчас кто механизатор, кто доярка, кто инженер — не, мы не крестьяне». Но уже в XXI веке от современных сельских жителей чаще нам приходилось слышать парадоксальное обратное утверждение: «Мы крестьяне! Потому как ни бьемся, а никому не нужны и тонем тут в г...не и в нищете!»

Оговорюсь сразу, я здесь постарался дать по мотивам четырех шанинских характеристик прежде всего обобщенную картину тяжелого и затяжного кризиса сельского крестьянского образа жизни в России последних пятидесяти лет. Но если бы лишь на этом я остановился, то это было бы все-таки неправильно и необъективно. Опять же, используя шанинское стремление к постижению многомерной социальной реальности, поиску альтернатив социального сельского развития, мы можем и должны говорить о возможностях развития достойного сельского образа жизни и, если даже хотите, о потенциале возможного нового окрестьянивания России.

Прежде всего здесь надо отметить, что у нас в постсоветское время все-таки выжил и окреп слой крестьянско-фермерских хозяйств, пусть и весьма немногочисленный для такой огромной страны, как Россия[20]. У этого слоя есть масса внешних и внутренних социально-экономических проблем. К тому же современные фермеры, конечно, значительно отличаются от традиционных крестьян как в России, так и во всем мире. Тем не менее фермеры — это, безусловно, прямые потомки крестьян — наследники экономики сельского домашнего хозяйства.

Далее измельченные, сезонные, натуральные сельские домохозяйства (фрагментарно-карликовое «крестьянство») представлены у нас десятками миллионов хозяйств сельских ЛПХ и городских дач. Я уже упоминал об определенной важности самоопределения

20. *Никулина Е.С.* (2019). Каким быть фермерству России? // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 124–131.

живущих, работающих, отдыхающих в сельской местности людей. Ведь действительно часто приходится слышать на вопрос дачникам или ЛПХашникам, копающимся на своих огородах: «Чем это Вы тут занимаетесь?» — такие частые самоироничные, но горделивые ответы: «Крестьянствуем!»

Наконец, в последние двадцать лет сельская местность становится полем все расширяющихся самых разнообразных инновационных социальных и технических экспериментов сельско-городских домохозяйств в создании новых сельских сообществ (например, экопоселения) и практик (экологически ориентированные домохозяйства), которые стремятся в той или иной степени сконструировать новые современные экологические крестьянские сообщества XXI века. В этих опытах и экспериментах, пусть порой достаточно утопического прожектерства, тем не менее, безусловно, выкристаллизовываются и жизнеспособные практики, возможно, нового крестьянского будущего — экологического, высокопроизводительного, культурного и образованного[21].

К сожалению, очень слабы или забюрократизированы у нас движения сельской кооперации и местного самоуправления, без которых немыслимо устойчивое возрождение российской сельской местности, как наследницы именно крестьянской России. Тем не менее и сейчас у нас есть достаточно квалифицированных и преданных своему делу кооператоров и работников местного самоуправления, способных и готовых при соответствующей государственной политике обеспечить реальный рост сельской самоорганизации, учитывающей, возрождающей и утраченные крестьянские общинные традиции[22].

Наконец, надо помнить и о регионально-культурном разнообразии российских сельских территорий, когда своеобразное новое окрестьянивание России будет происходить тем успешнее, чем более бережно будут сохраняться и развиваться именно различные природные, культурные, национальные особенности сельских регионов.

И пусть сейчас альтернатива нового гуманного и современного окрестьянивания кажется почти невозможной, я себе и коллегам рекомендую всегда помнить замечательный мировоззренческий завет Теодора Шанина: «Невозможного нет — есть только трудное!»

---

21. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я.* (2020). Привлекательность села: феноменология и векторы роста // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 2. С. 100–107.
22. *Фадеева О.П.* (2020). Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // Континент Сибирь. Новосибирск. С. 396–416.

ИНТЕРВЬЮ
С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Teodor Shanin: Peasant Studies and Russia

Boris Z. Doktorov, DSc (Philosophy), Professor, Independet Analyst. 100 Village Lane, Foster City, CA 94404, USA. E-mail: bdoktorov@inbox.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

In this interview, Boris Doktorov, a Russian sociologist living in America, a researcher of intellectual biographies and methods of social sciences in the 20th–21st centuries, together with the Editor-in-Chief of the *Russian Peasant Studies* and Head of the Chayanov Research Center of the Moscow School of Social and Economic Sciences, Alexander Nikulin, talks about the outstanding British sociologist Teodor Shanin, whose scientific legacy is closely related to the development of an interdisciplinary social science — peasant studies, and who conducted a number of fundamental historical-sociological and economic-sociological studies of rural Russia. The interview considers the basic concepts and milestones in the development of peasant studies as a branch of the historical-sociological knowledge in Russia, analyzes Shanin's estimates of various aspects of the Russian social-humanitarian thought as related to the study of the peasantry and to the recommendations on alternatives for the development and transformation of peasant worlds, which were suggested by agrarian populists and Marxists, G.V. Plekhanov and V.I. Lenin, A.V. Chayanov and I.V. Stalin. The interview considers the impact of literature and art on descriptions and explanations of the role of the peasantry through the intellectual interests of Teodor Shanin; focuses on his joint activities with his closest colleagues in the study of rural Russia — the outstanding agrarian scientists V.P. Danilov and T.I. Zaslavskaya. Throughout the interview, Shanin's worldview and moral-ethical principles in the search for humanistic alternatives for the Russian and global rural development are discussed.

Key words: peasantry, peasant studies, agrarian policy, Teodor Shanin, V.P. Danilov, T.I. Zaslavskaya, village writers, rural Russia